

- Тимофеев В. И. 1998. Некоторые вопросы взаимодействия культур мезолита — начала неолита в Балтийском регионе // ТАС 3, 80–85.
- Тимофеев В. И. 1995. Проблемы генезиса ранненеолитических культур в Балтийском регионе // ПАВ 3, 71–76.
- Тимофеев В. И. 1997. К проблеме неолитизации лесной зоны Восточной Европы // Кирпичников А. Н., Рябинина Е. А., Сакса А. И. (ред.). Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 14–20.
- Тимофеев В. И. 2000. Радиоуглеродные даты и проблемы неолитизации Восточной Европы // Тимофеев В. И. (ред.). Хронология неолита Восточной Европы. Тезисы докладов междунар. конф., посвященной памяти Н. Н. Гуриной. СПб.: ИИМК РАН, 81–82.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М. 2004. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.: Теса.
- Хлобыстин Л. П. 1972. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Решетов А. М. (ред.). Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 26–42.
- Хлобыстин Л. П. 1978. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА 153, 93–99.
- Хлобыстин Л. П. 1982. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Крайнего Севера Евразии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Чайлд Г. 1949. Прогресс и археология. М.: Гос. изд. иностр. лит.
- Чернявский М. М. 1978. Хронологические рамки неолита Северо-Западной Белоруссии // КСИА 153, 42–46.
- Davison K., Dolukhanov P. M., Sarson G. R., Shukurov A., Zaitseva G. I. 2009. Multiple sources of the European Neolithic: Mathematical modelling constrained by radiocarbon dates // Dolukhanov P. M., Sarson G. R., Shukurov A. M. (eds.). The East European Plain on the Eve of Agriculture. Oxford: Archaeopress, 197–211 (BAR IS 1964).
- Lozovski V. 1996. Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Edition CEDARC.
- Timofeev V. I. 1987. On the problem of the Early Neolithic in the East Baltic area // Acta Archaeologica. 58, 207–212.

Ошибкина С. В.

Тема рассматриваемой работы весьма актуальна, поскольку касается проблемы первоначального формирования неолитических культур на территории Восточной Европы. Основанием для исследования послужили вновь открытые и ранее известные памятники неолита с четко выраженной стратиграфией и массовым материалом, в основном фрагментированной керамической посудой, датированной представительными сериями радиоуглеродных дат.

Проблема определения начального периода неолита имеет длинную предысторию, к ней обращались многие ученые, известны теоретические и практические подходы к обоснованию начала эпохи неолита в связи с появлением важнейших новаций, отделяющих неолит от ранних периодов каменного века.

Известно, что схема деления каменного века, принятая еще в XIX веке, определяла начало эпохи неолита временем появления шлифованных орудий, двусторонней обработки кремневых изделий и использованием человеком глиняной посуды. Перечисленные технологии, как выяснилось впоследствии, были освоены человеком не позднее мезолита, кроме использования глиняной посуды, хотя редкие поделки из обожженной глины встречаются и на стоянках позднего палеолита. После открытия и изучения неолитических поселений Месопотамии утвердилось мнение, что рубежом мезолита и неолита следует считать исключительно освоение человеком производящих форм хозяйства — земледелия и скотоводства. Наиболее последовательно эта позиция сформулирована В. Г. Чайлдом, который придерживался идеи распространения культурных достижений из первичных очагов производящего хозяйства и полагал, что существовала система заимствований, отдельных миграций, но в основном имела место диффузия идей и распространение конкретных культурных элементов. В современном понимании последователей В. Г. Чайлда неолит в Европе рассматривается как эпоха колонизации, приносившей в отдаленные области Евразии злаки, домашних животных, керамическую посуду, приемы домостроительства, даже погребальные ритуалы и систему торговых связей. При этом местное население частью уничтожалось, частью было вовлечено в освоение новаций.

В такой форме определение начала эпохи неолита не оставляет места выводу о важной роли керамического производства, как это принято в археологии Восточной Европы и Северной Евразии в целом. В то же время предпринятые многими исследователями попытки найти следы земледелия и скотоводства в лесной зоне Северной Евразии показали, что первые свидетельства земледелия появляются здесь не ранее среднего неолита. Например, в Литве на приморских стоянках группы Швянтойи найдены деревянные земледельческие орудия — рала (Rimantiene 1994: 97, Taf. 26). На озерных стоянках Литвы и в восточной Латвии следы земледелия и кости домашних животных также встречены только в слоях среднего неолита. Еще ранее А. Я. Брюсов пытался доказать, что на стоянке среднего неолита Модлоне, в Вологодской области найдены семена культурного льна (Брюсов 1951: 21–24), что не получило признания в среде исследователей. Бесспорно, в южных регионах Евразии в раннем неолите уже существовали очаги производящего хозяйства. Они известны как бугоднестровская культура, стоянка Чох в горном Дагестане или джейтунская культура в предгорьях Памира. Но уже в Приморье, где в бореальное время сложились условия, пригодные для земледелия, доказательством освоения производящих форм хозяйства оказались только примитивные зернотерки. Как выяснилось впоследствии, их использовали лишь для обработки минерального сырья, а освоение земледелия произошло в среднем неолите.

Таким образом, несмотря на расширение исследований и особое внимание к следам земледелия или присутствию на стоянках неолита остатков культурных растений и domesticiрованных животных, стало ясно, что в действительности в лесной зоне Евразии производящие формы хозяйства появляются поздно, не везде и не всегда в начале неолита. Это следствие естественных причин — сурового климата, присутствия вечной мерзлоты на европейском севере и в Сибири, характера почвенного покрова и т. п. Поэтому о начале важных

перемен в жизни населения на рубеже мезолита и неолита принято судить по освоению отдельными популяциями керамического производства и распространению керамики в течение неолита последовательно по всей лесной зоне вплоть до Полярного круга и побережий Ледовитого океана. Керамика осталась основным маркером начала эпохи неолита в Северной Евразии и в том числе в Восточной Европе. Об отсутствии прямой связи между керамическим производством и ранним земледелием известно также по этнографическим данным (Шнирельман 1986: 237).

Авторы обсуждаемой работы обратились к изучению и систематизации керамической посуды раннего неолита нескольких регионов Восточной Европы, имея в виду динамику процесса неолитизации в областях от Нижнего и Среднего Поволжья и Нижнего Подонья до Валдайской возвышенности, Верхнего Поволжья, даже до бассейнов больших северных рек. В природном отношении это очень разные зоны, от лесостепи и степей до смешанных и таежных лесов. Однако охват больших территорий и разнообразных культур представляет интерес уже по самой постановке проблемы. К ее решению обращались многие исследователи, которые в разных вариантах принимали гипотезу о распространении из единых южных центров главным образом технологических навыков изготовления посуды из глины, при известном изменении приемов орнаментации, а также о формировании на этой основе новых культурных образований, например, верхневолжской культуры раннего неолита (Тимофеев 2006).

В задачи рассматриваемой работы входило изучение и описание моделей керамического производства, принятых у разных популяций, выявление наиболее ранней глиняной посуды и определение ее назначения. В намеченных центрах керамического производства для решения этих задач использованы стратиграфия культурных отложений, типологический и сравнительный анализ материала, радиоуглеродные датировки (калиброванные). На основании этих данных авторы выделяют на юге Восточной Европы центры первичного производства керамической посуды, сложившиеся под влиянием с Ближнего Востока или с Балканского полуострова. Не совсем ясно, откуда пришла идея керамического производства, достигшая в начале неолита Среднего Поволжья, поскольку влияние здесь, например, джейтунской культуры не очевидно.

Сложные задачи, поставленные в этой работе, а также большой фактический материал обусловили применение формализованных методов, что получило отражение в описании массового керамического материала с применением сложных аббревиатур и формул. Эта часть работы сложна для чтения и применения другими исследователями. В то же время она позволяет объективно описывать массовый материал и проводить сравнительный анализ наиболее рациональным способом.

Авторы используют понятие так называемого неолитического пакета, в который входили производящее хозяйство, глиняная и каменная посуда, глиняная пластика, сырцовая архитектура, а также понятие о частной собственности. Конкретные сведения о перечисленных показателях эпохи неолита, как правило, отсутствуют. Особенно это относится к архитектуре, даже в самых примитивных формах. Что касается понятия о частной собственности, то для популяций неолита в лесной зоне Евразии доказать наличие такового трудно,

если вообще возможно. При этом в предшествующий период, в мезолите, наиболее продвинутые в культурном развитии популяции охотников-собирателей уже имели оружие с личными метками, что позволяет говорить о разделении охотничьей добычи, труда и статусного положения охотника (Ошибкина 1992: 24–27). В общинах неолита подобная практика тоже могла иметь место, что нуждается, однако, в серьезных доказательствах. Конечно, понятие «неолитический пакет» отражает особенности эпохи, но нуждается в уточнении и конкретизации применительно к реалиям культур неолита в Восточной Европе.

Поскольку керамика раннего периода неолита является основным объектом исследования, особое внимание в работе уделено методике ее изучения. Принятая авторами форма систематизации массового материала с применением в ее описании единых терминов включает полную характеристику сырья, его особенностей и источников, состава формовочных масс, способов лепки сосудов, их формы, стилия ornamentации готовых изделий. Представленный метод изучения и систематизации массового материала кажется современным и эффективным, когда речь идет о выделении сложившихся на юге центров керамического производства. Не вызывает сомнения, что отсюда могли распространяться идеи керамического производства и, вероятно, первые навыки земледелия и скотоводства, иными словами, шло распространение производящего хозяйства. Вопрос только в том, когда этот процесс достиг северной зоны смешанных и тем более таежных лесов с континентальным климатом, близостью материковых ледников, сохранявшихся еще в начале бореала, сложной гидросистемой и большими реками, текущими в широтном направлении, обилием дикой фауны как источника жизнеобеспечения, а также подзолистыми почвами, плохо приспособленными для земледелия. Авторы делают выводы о распространении керамического производства по всему Северу на основании типологических аналогий в керамике и новых калиброванных радикарбонных дат. Как полагают авторы работы, уже в бореальное время население южных провинций продвигалось в северные широты. Вопрос в том, что могло привести в движение земледельцев и скотоводов юга. Представляется, что скорее прав Чайлд, который придерживался идеи диффузионизма, распространения только идей и культурных достижений из первоначальных центров. Могла существовать система последовательных заимствований, распространение идей, миграции населения в неолите могли происходить редко.

Насколько мезолитическое население воспринимало культурные достижения из южных центров, тоже остается вопросом, поскольку многие мезолитические популяции Восточной и Северной Европы уже в пребореале и бореале достигли достаточно высокого уровня развития. Этот факт нашел отражение в устройстве и планировке поселений, домостроительстве, технологическом уровне обработки разнообразного природного сырья, формах вооружения, погребальных обрядах, художественном оформлении оружия и орудий труда. Известно также об использовании населением деревянной посуды и емкостей из бересты. Вероятнее всего, большая часть населения Восточной Европы в эпоху мезолита не представляла собой какой-либо общности. Это были популяции охотников-собирателей разного уровня развития, занимавшие отдельные экологические ниши. В течение бореала и начала атлантического периода ряд популяций или археологических культур исчезли или изменились в процессе

естественного развития (Ошибкина 2006: 276). Часть мезолитического населения могла существовать долго и воспринимать новации из первичных центров производящего хозяйства, в том числе освоить производство керамики и перейти тем самым в эпоху неолита, что обычно трудно проследить археологически. Предположение, что переход к неолиту следует рассматривать как земледельческую колонизацию с уничтожением части населения, представляется неудачным, по крайней мере, для Восточной Европы.

Принято считать, что использование керамической посуды привело к умению сохранять пищевые запасы и способствовало оседлости населения, а также общему росту численности населения в неолите, получившему название демографической революции (Шнирельман 1986: 263). О том, что часть керамики служила именно для хранения запасов, можно судить по наличию очень больших сосудов на стоянках среднего неолита. Установлено, что большие объемы жидкости должны были разрушать стенки сосудов (Edgren 1982). Кроме того, есть примеры, когда огромные сосуды находили с остатками пищевых запасов и вкопанными у берега водоемов.

Несмотря на некоторые спорные моменты, статья «Керамические традиции в раннем неолите...» в известной степени подводит итоги многим исследованиям на заявленную тему. Выделение на юге Восточной Европы центров, откуда двумя волнами распространялось керамическое производство, убедительно. Датировка двух волн миграций более ранняя, основана на калиброванных данных, что в основном соответствует ранее принятой хронологии.

Представляет интерес предположение, что в раннем неолите в лесной зоне возникали «островки инноваций» и что локализация населения зависела от климатических условий и их изменений.

Авторы полагают, что на рубеже мезолита и неолита происходила миграция не только идей, но и простое перемещение керамики. Глиняной посуде отведена роль престижных или сакральных предметов, что выглядит сомнительно. Однако интересна идея о том, что некоторые технологические приемы, артефакты и способы декора могли быть транскультурными и распространяться в другие зоны, их могли воспринимать местные культуры.

В целом рассматриваемая работа представляет важным исследованием ряда актуальных проблем и предлагает интересные решения некоторых из них.

Литература

- Брюсов А. Я. 1951. Свайное поселение на р. Модлоны и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА 20, 7–76.
- Ошибкина С. В. 1992. Искусство эпохи мезолита // Ошибкина С. В. (ред.). Искусство каменного века (лесная зона Восточной европы). М.: Наука, 7–67.
- Ошибкина С. В. 2006. К вопросу о неолитической революции и неолитизации в лесной зоне Евразии. // II Северный Археологический Конгресс. Доклады. Екатеринбург — Ханты-Мансийск: Чароид, 262–279.
- Тимофеев В. И. 2006. К проблеме распространения древнейшей керамики на Севере лесной полосы Восточной Европы // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 302–314.

- Шнирельман В. А.* 1986. Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // Бромлей Ю. В. (ред.). История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 427–489.
- Edgren T.* 1982. Formgivning och funktion: en kamkeramisk studie. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys.
- Rimantiene R.* 1994. Die Steinzeit in Litauen. Mainz: Philipp von Zabern.

Синицына Г. В.

Статья посвящена анализу древнейшей керамики, а по сути процессу неолитизации Восточной Европы. Благодаря широкому внедрению в археологию методов естественных наук стало возможным более детальное определение хронологии культур позднего каменного века. Получена возможность корреляции основных этапов развития неолитических культур с изменениями климата в прошлом. По мнению П. М. Долуханова (2003: 204), на протяжении 6-го тыс. до н. э. в период климатического оптимума голоцена керамическое производство охватило большую часть лесной зоны Восточной Европы. Детальное изучение этого периода на основе палинологических данных позволило соотнести временной рубеж культур мезолита и неолита с периодом кризисных изменений климата и растительного покрова. Изучение многослойных стоянок Волго-Окского междуречья, датированных по ^{14}C интервалом 8000–7000 лет назад, дало возможность проследить характер изменения природной среды: «Отчетливо вырисовывается картина постепенных смен таежных условий среды, к которым привык и с которыми связан мезолитический человек, на неморальный флористический комплекс, требующий от людей, по-видимому, иной адаптации и новой хозяйственной ориентации» (Алешинская и др. 2001: 254).

Возможность зарождения неолита была определена развитием хозяйственной деятельности в мезолитическую эпоху. В культурных слоях стоянок эпохи мезолита найдено значительное количество орудий рыболовства (грузила и поплавки, остатки сетей, верши, весла, палки-клячи, ботало, бредни, невод) и костей рыб, которые свидетельствуют о том, что человеку были известны все способы ловли рыбы и о значительной роли рыболовства в хозяйстве (Жилин 2004). Рыболовство с помощью сетей позволяло накапливать избыточный продукт и способствовало оседлому образу жизни, то есть человеческие коллективы были готовы к принятию такого нововведения, как керамическое производство, потребность в котором определялась необходимостью в емкостях для длительного хранения продукта.

Проникновение керамического производства на северные территории связывают с изменениями природных условий: аридизацией климата. Исушение лесостепей на больших пространствах, обезлесивание территорий и замещение луговых степей опустыненными ландшафтами (Банк данных палеоклиматических реконструкций: <http://www.gml.spb.ru /BARPP-C/>) вызывали необходимость поиска новых источников питания и стимулировали миграции